

Е. А. Закревская^a<https://orcid.org/0009-0002-7872-5020>✉ ezakrevskaya@gmail.com**С. В. Белянин**^a<https://orcid.org/0000-0002-0809-1352>✉ sergey.belyanin10@gmail.com^a *Институт славяноведения РАН
(Россия, Москва)*

«ИНДУСТРИЯ ВОСПОМИНАНИЙ»: ПУБЛИЧНОЕ ВОСПРОИЗВЕДЕНИЕ И ПРОИЗВОДСТВО РАССКАЗОВ О ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ

Аннотация. Очевидцы Великой Отечественной войны и носители реальных воспоминаний о ней на протяжении последних десятилетий занимали важное место в сохранении исторической памяти. В наши дни эти люди уходят из жизни, поэтому в современной России возникает потребность в институтах сохранения и передачи памяти о войне — но роль рассказа о личном опыте при этом не падает. В статье описывается складывание своеобразной «индустрии воспоминаний»: способов воспроизведения, а в некоторых случаях производства историй о войне. Рассказы ветеранов публикуются в интернете, используются для создания вернакулярных и государственных музеев, к ним обращаются как к элементу патриотического воспитания. Такое широкое использование рассказов ветеранов и других взрослых очевидцев влияет и на поколение детей войны: их воспоминания, фрагментарные в силу особенностей возрастной психологии, дополняются извне.

Ключевые слова: исследования памяти, память о Холокосте, память о Великой Отечественной войне, устная история, публичная история, ложные воспоминания, «протезная память»

Благодарности. Статья подготовлена за счет гранта Российского научного фонда № 23-28-00796, <https://rscf.ru/project/23-28-00796>.

Авторы выражают благодарность исследовательскому центру Еврейского музея и Центра толерантности за помощь в осуществлении полевой работы.

Для цитирования: Закревская Е. А., Белянин С. В. «Индустрия воспоминаний»: публичное воспроизведение и производство рассказов о Великой Отечественной войне // Шаги/Steps. Т. 10. № 3. 2024. С. 85–107.

Поступило 24 ноября 2023 г.; принято 4 июля 2024 г.

E. A. Zakrevskaya ^a

<https://orcid.org/0009-0002-7872-5020>
✉ eazakrevskaya@gmail.com

S. V. Belyanin ^a

<https://orcid.org/0000-0002-0809-1352>
✉ sergey.belyanin10@gmail.com

^a *Institute for Slavic Studies
of the Russian Academy of Sciences (Russia, Moscow)*

“THE MEMORY INDUSTRY”: REPRODUCTION AND PRODUCTION OF PUBLIC STORIES ABOUT THE GREAT PATRIOTIC WAR

Abstract. People who were eyewitnesses of the Great Patriotic War and have real memories have been playing an important role in preserving historical memory in USSR and Russia over the past decades. For instance, WWII veterans used to visit schools and tell children about their paths in the military, Nowadays, when the war is 80 years in our past, these people are passing away. However, the role of personal experience in war stories did not decrease due to the death of the eyewitnesses. In modern Russia there has grown a need for institutions for preserving and transmitting the memory of this war. In this article we will explore that “memory industry”. By that term we mean some institutionalized ways and practices aiming to reproduce — or even produce — personal stories about war. Nowadays veterans’ stories are published on the Internet, used to create vernacular or state museums, and as a base for patriotic upbringing of the youth. Such widespread use of personal stories from veterans and other adult eyewitnesses also affects stories told by the next generation: “the children of war”. Their memories cannot be substantive and in-depth due to their youth, so their stories often are unintentionally supplemented from the culture: folklore or media.

Keywords: memory studies, oral history, public history, Holocaust memory, memory of the Great Patriotic War, false memories, prosthetic memory

Acknowledgements. Project supported by Russian Science Foundation, grant no. 23-28-00796, <https://rscf.ru/en/project/23-28-00796>.

We would like to thank the Research Center of the Jewish Museum and Tolerance Center.

To cite this article: Zakrevskaya, E. A., & Belyanin, S. V. (2024). “The memory industry”: Reproduction and production of public stories about the Great Patriotic War. *Shagi/Steps*, 10(3), 85–107. (In Russian).

Received November 24, 2023; accepted July 4, 2024

Введение

Интерес к личным историям и воспоминаниям очевидцев возник у историков в 1960-е годы, когда появляется такая дисциплина, как устная история. Использование устных рассказов как исторического источника уже тогда подвергалось критике — например, исследователи указывали на существование ложных воспоминаний [Вельцер 2005, Portelli 2003]. Однако популяризация обращения к рассказам очевидцев изменила практики «использования» личных историй не только для исследователей, но и для педагогов и сотрудников музеев. Практики публичной истории (обращение к рассказам очевидцев, а также к их опосредованным воспоминаниям в виде видеозаписей или дневников) стали неотъемлемым компонентом образовательной и просветительской деятельности. Методы публичной истории начали использовать при создании музейных экспозиций и подготовке коммеморативных мероприятий, в которых воспоминания участников исторических событий заняли центральное место. Например, видеоподкасты с людьми, выжившими во время Холокоста, составляют важную часть экспозиции мемориального музея Яд ва-Шем и Вашингтонского музея Холокоста. В России видеозаписи с рассказами очевидцев используются в Музее истории ГУЛАГа и в Центральном музее Великой Отечественной войны (Музей Победы) на Поклонной горе.

Срок жизни нейронной (существующей в психике свидетеля) памяти о войне к началу XXI в. подошел к концу — обычно он составляет около 80 лет [Assmann, Szaplicka 1995: 125–133]. На месте, где раньше была фигура свидетеля — участника войны, начала зиять пустота [Курилла 2018: 1–2]. Это привело к трансформации памятных ритуалов — появлению новых перформативных практик [Титков 2019]. Нас интересует, как в контексте этого поколенческого перехода изменилась практика рассказывания историй о военном опыте. Как такие рассказы воспроизводятся в ситуации, когда носители этого опыта физически уходят из жизни? Кто или что приходит им на смену? Как эти процессы влияют на личные воспоминания тех немногих свидетелей войны, которые еще живы?

Сложившийся в современной России набор коммеморативных практик и мемориальных акторов, связанных с воспроизведением (и производством) рассказов о войне, мы предлагаем метафорически называть «индустрией воспоминаний». Задачей этой статьи является описание принципов ее работы. «Индустрия воспоминаний» вписывается в концепцию «протезной памяти» Элис Ландсберг и, как мы покажем далее, является частным случаем такого «протезирования». «Протезная память» — это создаваемая какими-либо мемориальными агентами эмоциональная и насыщенная память о событиях, свидетелем которых человек не был. Целью «протезирования» является в том числе влияние на политические взгляды людей через апелляцию к их эмпатии и пониманию опыта прошлых поколений [Landsberg 2004].

Говоря о рассказах детей войны — людей, которые были ее свидетелями, но не могут достоверно помнить ее из-за возрастных когнитивных особенностей, мы будем использовать распространенный в когнитивной психологии термин «ложные воспоминания». Важно подчеркнуть, что мы не подозреваем наших собеседников во лжи и не преследуем цель доказать недостоверность их свидетельств. Воспоминания, которые мы называем ложными, можно сравнить с документальным кино, которое, с одной стороны, фиксирует действительность, отражая реально произошедшие события, с другой — с помощью монтажа превращает ее в связный поэтический рассказ. В статье мы покажем приемы этого «монтажа» — способы конструирования рассказов о войне — и опишем социальные условия, которые делают появление и популяризацию таких рассказов возможными¹.

От ветерана к субституту: рассказы о войне и патриотическое воспитание

С 1980-х годов память о Великой Отечественной войне начала выдвигаться на первый план в советском мемориальном каноне. К 2000-м война стала пониматься как центральное событие советской / российской истории и главное основание для идентичности россиян [Копосов 2011: 162; Миллер 2012: 329; Danilova 2015]. При этом важно отметить, что память о Великой Отечественной войне для россиян не является навязанной идеологической конструкцией. Так, устные историки и исследователи памяти ежегодно записывают множество рассказов о войне в истории семьи или края, однако сюжеты этих рассказов зачастую никак не коррелируют с официальной идеологией и существуют только в устной традиции [Панченко 2013; Белянин, Закревская 2022]. События военного времени для жителей Восточной Европы становятся основным способом мыслить локальную историю [Энгелькинг 2018: 43–45], и это видение сложно назвать навязанным извне. Вероятно, низовой запрос граждан и их искренний интерес к памяти о войне частично совпал с нарративами государственной идеологии. Именно на пересечении «низовой» памяти и государственной политики памяти и родилась та «индустрия», о которой пойдет речь далее: множество мемориальных проектов, интернет-порталов, конкурсов, траурных и праздничных ритуалов, которые могут не только быть инспирированы властями, но и иметь «низовую» (grassroots) поддержку.

¹ Существенным ограничением нашего исследования является то, что в ряде случаев мы не можем установить, является ли тот или иной рассказ достоверным или сконструированным «индустрией воспоминаний». Мы лишь предполагаем это, подсвечивая социальные и политические обстоятельства, подталкивающие к появлению таких воспоминаний, и отмечаем составные части, из которых они, по нашему мнению, «собраны». Таким образом, здесь мы следуем подходу Шейлы Фицпатрик, которая, критикуя исследователей советской субъектности, отметила, что исследователь не может знать, о чем в действительности думал и как себя ощущал советский человек. Исследователю доступны лишь внешние проявления (письма, дневники, описания очевидцев), на основании которых можно предполагать, что двигало людьми [Фицпатрик 2011: 11–40].

В советском праздничном ритуале важную роль играли рассказы ветеранов. Обращение к свидетельству очевидца позволяло преподнести публике факты об историческом событии через призму личных переживаний и сделать информирование о войне более эмоциональным, что в теории давало слушателю возможность почувствовать свою сопричастность истории родной страны. Однако к середине 2010-х годов динамика поколений привела к тому, что ветераны постепенно перестали играть активную роль в праздничном сценарии, а передача историй о военном опыте была затруднена [Титков 2019]. В особенности серьезным этот вызов оказался для системы образования, сотрудники которой ранее нередко приглашали в школы ветеранов² [Руднев 1974: 42–54].

Наша собеседница И. Ш., директор еврейской школы в Омске, перестала приглашать в школу ветеранов после того, как во время праздника 9 Мая одному из пожилых гостей стало плохо:

Девятого мая 2008 года <...> раввин пригласил ветеранов, мы подготовили литературно-музыкальную композицию <...> именно ветераны еврейской общины, участники войны <...> Но во время этого мероприятия у нас один дедушка потерял сознание, и мы думали, что он, не дай бог, умрет вот здесь <...> Мы вызвали «скорую помощь», она так долго ехала, я там шумела <...> Это было последнее мероприятие с участием большого количества ветеранов [Инф. 1].

И. Ш. больше не приглашала на мероприятия ветеранов, однако она не смогла отказаться от апелляции к личностям свидетелей войны. Это, по ее мнению, выполняет важную педагогическую функцию — герои войны становятся моральным ориентиром для школьников. Мероприятия на День Победы она переформатировала в работу над стендом, на котором сначала размещались семейные истории детей и учителей; позднее материалы, использованные для создания стенда, легли в основу школьного музея памяти.

У нас внизу, где я вас встретила, где сейчас картина «Стена плача», там была просто штора. И я на эту штору прикрепила свою фотографию, написала, как меня зовут <...> и от этой фотографии я протянула две георгиевские ленточки, на каждой написано «дедушка». И в конце каждой ленточки я прикрепила ксерокопию свидетельств, которые в моей семье хранятся <...> И я сказала детям другим: «Делайте то же самое. У себя дома спрашивайте,

² Впрочем, перед этим вызовом встали образовательные институции не только в России, но и за рубежом. Так, в Канаде для демонстрации школьникам был снят фильм «The Valour and the Horror» («Доблесть и ужас»), который позиционировался как замена рассказам уходящего поколения ветеранов. Фильм был раскритикован дожившими до премьеры ветеранами — см. подробнее: [Carr 2017]. В Австралии похожие дебаты произошли после премьеры сериала «Changi» (так называли заключенных японских концентрационных лагерей). Этот сериал не был снят специально для школьников, но вызвал у них горячий интерес [Hamilton 2010].

кто у вас в семье воевал...» Это чтобы они видели, сопоставляли фото. От каких людей я произошла. Это меня заставляет, по моему замыслу, быть достойным этих людей <...> Я, к сожалению, не могу помочь этим людям, их уже нет. Но меня как педагога волнует моя внутренняя работа душевная, мое духовное совершенствование [Инф. 1].

Несмотря на уход ветеранов из жизни, устные истории о войне продолжают рассказывать. Живой ветеран заменяется другими мемориальными агентами, к примеру, сайтами-агрегаторами, посвященными памяти о войне. Рассказы, размещенные в интернете, зачастую редактируются родственниками или модераторами сайта и обычно публикуются после смерти ветерана³.

Н. Ц., ответственный за патриотическое воспитание в одной из школ Краснодара, рассказал нам, что в преддверии 9 Мая он собирает у учеников биографии предков — участников Великой Отечественной войны. При этом на детей, которые не могут или не хотят принести в школу историю о воевавшем предке, оказывается моральное давление — Н. Ц. ставит под сомнение то, что узнать истории предков не получается, и рассказывает о своих воевавших родственниках. Сама практика рассказа личных историй о войне формально похожа на визиты ветеранов в школы, однако нарратив нашего собеседника имеет другую цель — он нужен, чтобы вызвать у школьников сильные чувства и заставить проявить интерес к истории:

Значит, мы проводим в классах урок в преддверии Дня Победы — «Бессмертный полк моего класса». На уроке, который мы Дню Победы посвящаем, каждый рассказал о своем родственнике. Но [я] столкнулся с тем, что многие дети мне заявляют, что их родственник не участвовал [в войне]. На что я детям говорю, что я в это не-ве-рю <...> Вот мои ближайшие родственники, мои ближайшие [показывает листок]. И только те, кто не вернулся с войны, это все погибли или пропали без вести! Это вот, например, дедушка моей супруги. Ему было посчитайте сколько лет, [18]90-го года. В [19]41-м году ему был 51 год, он был непризывного возраста <...> Оборонял Краснодар, потом отступали, и под станицей Белореченской попал в плен <...> И перед строем — это август [19]42-го был — перед строем воен-

³ В ходе полевой работы мы неоднократно сталкивались с публикациями, основанными на воспоминаниях. Воспоминания становились основой биографии участника войны из-за отсутствия иных источников. Апелляция к личным рассказам позволяет нашим собеседникам создать более эмоциональное повествование, которое будет выходить за рамки бюрократического языка. Это вписывается в отмеченную нами тенденцию на повсеместное использование устных рассказов. Например, наш собеседник из маленького города на Русском Севере восстановил и подготовил к публикации биографию двоюродного деда, которая включала в себя сведения с сайта «Подвиг народа», дополненные воспоминаниями бабушки автора о брате. Похожий текст создала координатор «Бессмертного полка» в Омске: она написала биографию прадеда на основе архивных документов и воспоминаний старших родственников.

нопленных [деда жены] положили на землю и переехали танком⁴.
Ну как можно не помнить?! [Инф. 2].

Память о прошлом в современной России является важным символическим ресурсом: обращение к ней как к инструменту объединения общества — устойчивый риторический прием, используемый российскими политиками [Малинова 2014]. Н. Ц., перенося эту риторику с экрана телевизора в школьный класс, ставит своих учеников в ситуацию, когда отсутствие воевавшего предка становится недопустимым и предосудительным. Наличие же предка — участника войны, в свою очередь, должно объединить школьников и заставить их испытать чувство гражданской солидарности.

Инструментализация свидетельства очевидца: рассказы о войне в мемориальных конфликтах

Рассказы очевидцев Великой Отечественной войны имеют высокий символический статус: из-за этого, как мы покажем далее, их часто воспринимают некритично и не пытаются верифицировать. Например, обращения ветеранов или детей войны заставили местные власти установить памятники жертвам Холокоста в Пскове и в Ставропольском крае без проведения какой-либо проверки. О таком случае нам рассказал председатель еврейской общины Пскова:

В [19]99-м году, в начале [19]99-го года пришла женщина, а может быть, это был [19]89-й год, но это детали. И сказала, что вот когда во время войны она с мамой в пригороде Пскова видела, как расстреливали. Я могу ошибиться, может, не она сказала. Но сказала, что вот там-то болото и там расстреливали евреев. И рассказывала не мне, были здесь старики, которые пережили войну. Они сразу загорелись, сказали — надо делать памятник. Собрали совет <...> сделали бумагу для администрации с просьбой о предоставлении территории в бессрочное пользование для установки мемориального знака <...> Сейчас ситуация созрела какая-то дурацкая. Появился новый администратор района <...> [Говорит]: «Докажите, что расстреливали именно здесь». Этим сейчас занимается директор Хэседа⁵, и последний раз мы с ней разговаривали недели полторы назад, она сказала — ну никак [не получается найти доказательства] [Инф. 3].

⁴ Одним из механизмов работы устной традиции является эмоциональный отбор — добавление в рассказ деталей, вызывающих сильные эмоции. В рассказах о военных конфликтах в качестве таких деталей часто выступают подробные описания жестокости. Так, сюжет о том, что людей заживо давят танками, — устойчивый элемент «военного» фольклора [Белянин, Закревская 2023].

⁵ Хэседы — еврейские благотворительные организации, входящие в Ассоциацию Хэседов («Идуд Хасадим»; см.: <https://hesed.ru>). Целью их деятельности является оказание помощи пожилым, одиноким и имеющим инвалидность членам еврейской общины.

Свидетельство участника или ребенка войны часто становится последним аргументом в мемориальных конфликтах. Так, в Краснодаре произошел затронувший краеведческое сообщество города, а также городские и краевые власти «спор историков»⁶. В центре конфликта оказался пенсионер МВД и историк-любитель В. К., автор 27 любительских документальных фильмов, включающих в себя рассказы ветеранов Великой Отечественной войны. Он начал собирать эти рассказы в педагогических целях, чтобы показывать своим студентам. Рассказы ветеранов и детей войны В. К. дополнял демонстрацией карт военных действий, архивными фотографиями и музыкальным сопровождением — песнями военных лет.

Мы не знаем, как профессиональное сообщество реагировало на деятельность В. К. на ранних этапах его работы, но открытый конфликт начался в 2016 г. В это время он записал интервью с ребенком войны, который утверждал, что нацисты, отступая из Краснодара, сожгли лагерь временного пребывания Шталаг-132 вместе с пленными. Кроме того, в своих фильмах В. К. настаивает на реальности еще одной — скорее всего, недостоверной — истории: он говорит, что во время оккупации нацисты повесили 40 младенцев.

Настойчивое желание В. К. утвердить свою версию событий и установить памятник жертвам «сожжения» Шталага вызвало неприятие профессионального сообщества. Так, редакция газеты «Краснодарские известия» подготовила публикацию [За неповиновение 2021], в которой на материале архивных документов было показано, что лагерь не сжигали и что повешены нацистами были не младенцы, а партизаны (показательные расправы над подпольщиками действительно практиковались на оккупированных территориях)⁷. Среди историков, противостоящих В. К., была Н. К. — сотрудница краеведческого музея, которая отметила, что не существует никаких документов, подтверждающих его версию событий. В. К. рассказал нам свою версию спора с ней:

Н. К. нормальный человек, но у нее нет ни одной бумаги, которая бы опровергала это. Ну... А свидетельские показания, свидетельские показания, да? Они являются, значит, доказательством. Но она в этом деле, видно, не здорово соображает, что по свидетельским показаниям можно человека расстрелять или посадить. Не по документам! Если человек убил другого человека, я ищу свидетельскую базу. Я нахожу, соответственно, на основании этого выносится приговор, и человек идет к стенке [Инф. 4].

На первый взгляд кажется, что суть конфликта между историком-любителем и сотрудниками музея связана с тем, что они по-разному пони-

⁶ По соображениям этики некоторые инициалы упоминаемых в этом кейсе людей изменены.

⁷ Если рассказы о казни партизан в устном бытовании превратились в рассказы о казни младенцев, это можно объяснить при помощи упомянутого ранее механизма эмоционального отбора, который вытесняет из устной памяти менее эмоциональные варианты рассказа. См.: [Белянин, Закревская 2022].

мают методы исторического исследования. В. К., не будучи профессиональным историком, некритично опирается на устные рассказы, которые называет «свидетельскими показаниями» и использует так, как использовал бы такие показания следователь при оперативной работе. Он не делает разницы между свидетельскими показаниями, которые повествуют о недавних событиях, и рассказами о Великой Отечественной войне, поскольку уверен, что память сохраняется неизменной и спустя годы функционирует так же, как и ранее:

Я ж бывший работник милиции... Когда человек не врет, он может мельчайшие подробности сказать <...> то есть я был на месте преступления, вот, там сковорода на столе, картошка еще была горячая, и так далее. Человек говорит, что мы сидели, кушали. Вот так, понимаете, это должна быть привязка [Инф. 4].

Психолог-когнитивист Элизабет Лофтус, изучая протоколы допросов обвиняемых в сексуализированном насилии, обратила внимание на то, что следователи невольно заставляли обвиняемых «вспомнить» о действиях, которых они не совершали в реальности [Лофтус, Кетчем 2018]. В. К. с помощью наводящих вопросов и морального давления заставляет своих собеседников «вспомнить» события военного времени, которых они или не видели или не могли помнить в силу возраста⁸. К примеру, он буквально вынудил бывшего заключенного Шталага-132 С. М. подтвердить свое представление о «сожжении» лагеря, выстроив разговор таким образом, чтобы казалось, что если С. М. не согласится с В. К., он будет выглядеть как человек, не заинтересованный в сохранении исторической памяти:

В. К.: [Имя-отчество], как вы узнали, что тот лагерь, где вы были первоначально, немцы сожгли вместе с военнопленными?

С. М.: [Пауза.] Узнал, наверное, уже после войны, когда вернулся домой.

В. К.: А вот как вы считаете, в сегодняшнем дне. Сожгли наших солдат, которые попали в плен. Было бы правильно отметить место их гибели каким-то памятным знаком? Или вы считаете, что можно и забыть об этом?

С. М.: Нет, конечно <...>.

В. К.: То есть вы считаете, что если не забыть, если поставить доску и рассказывать последующим поколениям, что такое фашизм, это будет правильно?

С. М.: Это будет правильно.

Опираясь на приведенный выше разговор с бывшим военнопленным, он и другой историк-любитель настаивают на реальности своего предположения о сожжении лагеря. К примеру, второй историк так рассказывал об этом на канале «Кубань-24»:

---

⁸ В фильмах В. К. его собеседники называют год своего рождения. Большинство из них в годы войны были детьми или младшими подростками.

Амбары загорелись мгновенно. Крики тысяч военнопленных разносились по всей округе, они пытались выбить тяжелые двери, но сил не хватило. Вдалеке уже слышались советская артиллерия. Фашисты ушли из города, в горящем лагере охранять было уже некого [Наводничая 2021].

Н. К., которая отказалась от записи интервью и дословного цитирования своего рассказа, отметила, что основная сложность ведения дискуссии заключалась в том, что когда она ссылалась на архивные документы и дневниковые записи, В. К. отвечал ей, что оспаривать слова ветерана безнравственно. Это вынудило авторов упомянутой выше статьи в «Краснодарских известиях» также обратиться к свидетельствам очевидца. Кроме актов Чрезвычайной государственной комиссии по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников и иных архивных документов, они приводят фрагмент интервью с очевидицей войны Н. Д. (1927 г. р.):

— Мы с мамой ходили в этот лагерь, — рассказала [Н. Д.]. — Искали там моего брата, Федора Чернова, призванного в армию перед оккупацией, думали, может, он в плен попал. Тогда туда много людей ходило — пленным через забор бросали хлеб и что у кого было съестного. Как потом оказалось, мой братишка погиб на Пашковской переправе, но мы не знали и надеялись, что он жив, в плен попал, тогда ведь никто ничего не знал. Пошли мы и после освобождения города, когда нам сказали, что пленные убегают. Думала, вдруг знакомые ребята туда попали, возможно, кто-то видел брата. Но никого из знакомых мы там не встретили, а те, кто был в силах, быстро разбежались <...> А все эти разговоры, что там кого-то сожгли, — неправда, ничего такого не было, — продолжает [Н. Д.]. — Улица Хакурате от нас недалеко, и, конечно, мы бы слышали и знали, что лагерь подожгли. Как это было, когда горели нефтезавод и завод Седина. Да и сами ребята, которые у нас жили (солдаты, которых Н. Д. с матерью подобрали у лагеря. — Е. З., С. Б.), никогда об этом не говорили. Они рассказывали, что сами родом с Кубани, что их морили голодом, били, пытали, но про пожар — ни слова. Потом на месте лагеря военнопленных организовали склад НКО — Народного комиссариата обороны, я там работала [За неповиновение 2021].

Спустя некоторое время в газете был выпущен еще один материал по мотивам разговора с Н. Д.: в нем она подробнее рассказала о том, как они с матерью подобрали возле лагеря двух раненых красноармейцев и выхостили их у себя дома [Аванесова 2022].

Н. Д. рассказала нам о визитах В. К., который хотел записать с ней интервью о «сожжении» лагеря, а получив отказ — приходил повторно, чтобы упрекнуть в нарушении своих планов:

...ко мне приходил тоже [В. К.]. Откуда он приезжал? Или здешний он... И говорил: «Вот, здесь был лагерь, и здесь пять тысяч сожгли». Я говорю: «Да нет, я с вами, это, не согласна». Потом еще Н. К. меня спрашивала: «Н. Д., а вы, вот так и так...» — «Нет, — говорю, — если бы сожгли... мы жили вот так — Хакурате, Северная, два-три квартала мы от этого жили. Да это мы задохнулись бы, если бы горели пять тысяч людей!» А то ничего нигде нет. Этот, нефтеперегонный завод, как его, горел, и взорвали его, вот тут действительно. Завод Седина — это мы слышали, и запах, и взрывы, а тут ничего нету. Потом он приходит и говорит: «Где вы взяли, Н. Д.? <...> Я уже, — говорит, — в Москву подал, а теперь приходится писать объяснение» <...> Я говорю: «Я этого не видела, а чего не видела, не буду наговаривать» [Инф. б].

Через несколько лет борьбы В. К. удалось добиться установки небольшого монумента, который в 2021 г. был открыт на улице Коммунаров. Формулировка на памятнике компромиссная — в ней ничего не говорится о сожженном лагере, однако инициатором установки камня был именно В. К. Вероятно, ему удалось преодолеть сопротивление сотрудников краеведческого музея и топонимической комиссии за счет высокого символического статуса, которым наделяется личный опыт свидетелей войны. Апеллируя к морали («нельзя сомневаться в рассказе ветерана / ребенка войны»), он смог навязать профессиональному сообществу разговор на языке рассказов очевидцев, а не документов. При этом он не столько цитировал нарративы свидетелей, сколько использовал их наличие как индульгенцию для создания собственных беллетризованных версий. Руководствуясь своими представлениями об исторической правде, он невольно оказал на свидетелей моральное давление, противостоять которому, как Н. Д., может не каждый. Иногда подобное давление заставляет человека «вспоминать» события, которые не происходили в реальности или которые происходили без его участия. О причинах и механизмах такой фабрикации мы поговорим в следующем разделе.

Ложные воспоминания

Во время полевой работы нам не раз приходилось иметь дело с рассказами людей, которые жили во время переломных или травматических исторических событий, но не участвовали в них непосредственно — однако имели стойкое убеждение, что они были реальными очевидцами или даже участниками этих событий. Часто нашими собеседниками становились люди, родившиеся на рубеже 1930–1940-х годов. Они, без сомнения, являются очевидцами войны, но не могут иметь собственных воспоминаний о ней. Зачастую собеседники рассказывали от первого лица истории о войне, эвакуации или жизни в гетто, известные им по рассказам старших

родственников⁹. Например, Б. Л., родившийся в Винницком гетто в сентябре 1941 г., рассказал нам о своем опыте эвакуации:

Ближайшая станция железнодорожная была — двадцать пять километров от нас. Ну, что делать было? Была старшая сестра [19]36-го года рождения, брат [19]38-го года рождения, вот, и бабушка. И мы пошли пешком к станции двадцать пять километров. Мы прошли где-то километров пятнадцать... [Инф. 7].

Жена информанта поправила его, услышав этот рассказ: «“Мы прошли...” Он тогда еще был (т. е. не родился. — *Е. З., С. Б.*)!» [Инф. 8]. Действительно, в то время, о котором рассказывал Б. Л., он еще не родился. Его семье не удалось эвакуироваться — они были вынуждены вернуться домой и попали в гетто, где и появился на свет наш собеседник. Скорее всего, о неудачной эвакуации и последующей жизни в гетто он узнал в более взрослом возрасте от старших родственников, но это не мешает ему рассказывать об этих событиях так, как будто бы он был их свидетелем.

Иногда появление таких воспоминаний спровоцировано социокультурными факторами. К примеру, жительница Краснодара М. С. (1933 г. р.) утверждала, что ее сестра была знакома с Лидией Тимашук — инициатором «дела врачей»:

Сейчас скажу, даже покажу эту стерву, которая выдавала врача <...> хотите? Сейчас найду фотографию... Когда моя старшая сестра вернулась из армии, это было начало [19]46-го года, прошла по больницам... Значит, нету, негде работать <...> бред тубинститут... В это время очень много было среди солдат, среди матросов ребят, болевших туберкулезом <...> значит, сестра сначала работала в этом тубинституте <...> А когда она, значит, там работала, к ним стала приезжать одна врач из Москвы, из московской Кремлевской больницы, такая Лидия Тимашук <...> Они собрались все вместе, сели на автобус и поехали в сторону Сочи, но до Сочи каждый раз не доезжали, потому что где-то останавливались, и купались, и делали эти любительские фотографии. И сфотографировались с этой стервой, которая потом оказалась Лидией Тимашук, — та мерзавка, которая потом оклеветала врачей, работавших... И вообще врачей, крупную профессуру, и тех врачей, которые работали с ней вместе в Кремлевской больнице [Инф. 5].

Вероятно, общая фотография (которую М. С. так и не смогла найти), наряду со знакомством ее сестры с Лидией Тимашук, является плодом воображения нашей собеседницы, которая воспринимает себя как челове-

---

⁹ Психолог Жан Пиаже, изучавший развитие памяти у детей, показал, что ребенок не способен систематизировать воспоминания и воспроизводить их в реальной хронологической последовательности. Пиаже пишет о «детской амнезии» — физиологической неспособности запомнить события, которые произошли с человеком до трех лет [Пиаже 1994: 6–14].

ка, владеющего ценным знанием. М. С. хотелось рассказать о личной сопричастности значимым событиям в истории советского еврейства. Она родилась в еврейской семье в 1933 г. и застала сталинскую антисемитскую кампанию в возрасте 20 лет, т. е. была знакома с официальными пропагандистскими текстами и слухами о «деле врачей». Кроме того, ее отец был аптекарем, а сестра со своим мужем — врачами.

Такие воспоминания, в которых смешаны реальные биографические факты и сведения, заимствованные из медиа, литературы и фольклора, психологи-когнитивисты называют ложными. Существование таких воспоминаний экспериментально доказала психолог-когнитивист Элизабет Лофтус. Исследовательница провела серию экспериментов, в которых с помощью наводящих вопросов и эмоционального давления ей удалось внушить испытуемым веру в то, что они были участниками никогда не происходивших в реальности событий [Лофтус, Кетчем 2018]. Ложные воспоминания могут появляться в том числе под воздействием вопросов интервьюера (например, в случае М. С. пристальный интерес собирателя к «делу врачей» мог спровоцировать появление воспоминаний о Лидии Тимашук). Это подтверждают исследования психологов: так, Дэниэл Шехтер попросил студентов описать, что они делали, когда узнали о крушении шаттла «Челленджер» (1986 г.), а затем дал им такое же задание через пять лет. Воспоминания, составленные спустя пять лет после катастрофы, были более детальными и содержали подробности трагедии, которые были неизвестны студентам на момент составления первого описания [Schacter 1996: 15–39].

Применительно к воспоминаниям об исторических событиях подобный феномен описала исследовательница памяти Алейда Ассман. В 1970-е годы, когда память о Холокосте заняла центральное место в европейской мемориальной культуре, появилось огромное количество мемориальных инициатив, фильмов и книг, посвященных опыту жертв нацизма. Одна из таких книг-свидетельств — мемуары Бенямина Вилкомирского, посвященные его опыту заключения в лагере смерти, куда он попал ребенком. Однако спустя несколько лет было опубликовано расследование, разоблачающее автора: выяснилось, что его детские воспоминания являются фикцией. По мнению Ассман, в случае «воспоминаний» Вилкомирского мы имеем дело не с намеренной ложью, а с образами-представлениями, сформировавшимися у него под впечатлениями от мемориальных поездок, чтения книг и участия в психотерапевтических группах для жертв Холокоста [Ассман 2014: 152–160].

Похожий феномен отметила Анна Штерншис, исследовавшая эмигрировавших из СССР в США и Канаду ветеранов Великой Отечественной войны. Они столкнулись с культурой памяти, существенно отличавшейся от советской: в СССР коммеморацией жертв Холокоста занимались лишь небольшие группы еврейских активистов и диссидентов [Костырченко 2020: 206–217], а в США и Канаде память о нем занимала центральное место в мемориальном каноне. Под давлением такой мемориальной куль-

туры ветераны — выходцы из Советского Союза начали рассказывать о своем участии в освобождении немецких лагерей смерти, при этом опираясь на фильм Михаила Ромма «Обыкновенный фашизм» — единственный широко известный в Советском Союзе визуальный образ Холокоста [Shternshis 2017: 8–24].

Таким образом, свидетельства очевидцев можно рассматривать как своеобразную форму устной литературы, в которой факты переплетены с переживаниями рассказчика, а индивидуальный опыт — с групповым. Рассказы об исторических событиях часто являются некоторым фабрикатом, формирующимся под воздействием мемориального канона, который отбирает одни факты и замалчивает другие, и актуальных запросов группы, к которой принадлежит рассказчик. Задача таких рассказов — не сообщить факты об исторических событиях, а вписать себя в историю и выстроить связь между собственной автобиографией и глобальными историческими событиями [Williams, Conway 2009: 33–61].

Ложные воспоминания в контексте «культы» Муси Пинкензона

Упомянутая ранее М. С. рассказала нам о личном знакомстве с пионером-героем Мусей Пинкензоном. Подвиг еврейского мальчика заключался в том, что перед расстрелом он попросил у нациста разрешения в последний раз сыграть на скрипке и исполнил «Интернационал». Рассказы о знакомстве с Пинкензоном сделали М. С. известной в Краснодаре — ее приглашают рассказывать о Мусе школьникам и берут у нее интервью. В ответ на наши вопросы собеседница удивилась, что мы не читали ни одного из них:

Соб.: А что за историю вы рассказали Илье Александровичу [Альтману]¹⁰?

Инф. 5: Что я рассказала? Об этом всем известно! Или заново рассказывать?

Соб.: Расскажите еще раз, пожалуйста

Инф. 5: Я рассказываю еще раз о том, каким образом я узнала Мусю Пинкензона [Инф. 5].

По ряду причин нам кажется, что рассказ М. С. может быть ложным воспоминанием. Можно предположить, что нашей собеседнице был знаком «культ» Муси Пинкензона, который сформировался в Краснодаре и соседних станицах в 1970-е годы. В основе «культы» лежала книга Саула Ицковича «Муся Пинкензон», которая вышла в 1967 г. в серии «Пионеры-герои» [Ицкович 1980]. После публикации книги Ицковича в Усть-Лабинске (Краснодарский край), где погиб Муся, развернулись мероприятия по мемориализации героя — на месте предполагаемого расстрела

¹⁰ Илья Александрович Альтман — советский и российский историк, сопредседатель НПЦ «Холокост», вице-президент Межрегионального фонда «Холокост».

пионера поставили памятник, а пионерская дружина местной школы получила имя Муси Пинкензона¹¹.

Впервые М. С. «вспомнила» о знакомстве с Мусей во время собрания, посвященного памяти о Холокосте:

Дело в том что когда лет восемь, девять, десять тому назад в Краснодар приехал один товарищ из общества «Холокост» <...> Альтман, да. Так вот, он приехал, и меня позвали наши еврейки и сказали, что приехал человек из общества «Холокост» и будет рассказывать о том... О том, где гибли и как преследовались евреи в Краснодарском крае — приходи. Я пришла туда <...> и пришел, значит, Илья Александрович, его вывел наш раввин. Он поздоровался, познакомился и стал рассказывать о преследованиях евреев, о том, где они гибли. А потом рассказал о мальчике Мусе Пинкензоне, который с семьей оказался в Усть-Лабинске, и как он погиб. И тогда я подняла руку и сказала: «А я знала этого мальчика». И все наши евреи повернулись ко мне лицами: «Ты, М., знала этого мальчика? Но это же было так давно, ведь [19]42-й год». Я сказала: «Да, знала» [Инф. 5].

Наша собеседница оказалась в ситуации морального давления — она была одной из немногих жителей, заставших оккупацию Краснодара. Вероятно, она чувствовала, что собравшиеся чего-то ждут от нее как от очевидицы событий, которая имеет личные истории, связанные с войной. Можно предположить, что она невольно сконструировала воспоминания, которые состояли не только из личного опыта, но из фольклорных сюжетов и медиазаимствований.

Мне было девять лет, и я училась уже во втором классе <...> Это был уже [19]41-й год, конец, когда они оказались, эти евреи оказались в станице Усть-Лабинская... Однажды папа, приехав домой на выходной, сказал, что одна семья по фамилии Пинкензон зашла к нему в аптеку... Потому что им сказали, что заваптекой — еврей. Им же хотелось познакомиться с евреем на Кубани, и они познакомилась... И папа сказал, что эта семья состоит из мамы, отца и тети — врачей, бабушки и мальчика, которому 12 лет и который учится в пятом классе, — это был конец [19]41-го года. Таким образом мы узнали, что есть евреи... Ну, кто в первую очередь бежали? Конечно, евреи, потому что знали, что евреев в первую очередь фашисты уничтожают [Инф. 5].

В приведенном выше фрагменте интервью М. С. рассказала, как ее отец познакомился с семьей Пинкензон, при этом смешала реальные детали своей биографии и факты, которые, вероятно, стали ей известны впоследствии: она с уверенностью рассказала о Холокосте, однако в то время узнать о тотальном геноциде евреев можно было только от беженцев из присоединенной к СССР части Польши или из газет на идише [Shternshis

---

¹¹ См. статью М. В. Гавриловой в этом номере журнала

2014: 493–497]. Далее наша собеседница рассказала подробности своего знакомства с Мусей:

Когда однажды папа на выходной приехал домой, сказал, что мальчик Муся хочет познакомиться, хочет узнать город Краснодар. И вот они приехали, папа привез этого мальчика. Значит, каким я его запомнила? Не таким, какой он здесь изображен на фотографии. Мне казалось, что он должен быть высокий, стройный, темноволосый... На фотографиях у него темно-русые волосы. Может, я не так запомнила... Мальчик играл на скрипке <...> Как он играл на скрипке, я не помню, но я очень хорошо запомнила, и всегда это буду помнить, как своими пальцами на стене <...> И на этой стене через этот свет он умел показать, как бегают зайцы, как лает собака, как летают птички. И вот это я запомнила — мне было девять лет всего-навсего. Я другого не могла запомнить, и как скрипача я не могла запомнить [Инф. 5].

Рассказывая о том, как семья Муси отказалась эвакуироваться из Усть-Лабинска, М. С. опирается на изложенные в книге Саула Ицковича основные даты и события биографии Муси и дополняет их широко известными на Юге России фольклоризованными нарративами о Холокосте. Так, на бывших оккупированных территориях часто записывались истории о евреях, которые не эвакуировались, поскольку им казалось, что немцы неспособны на массовые убийства [Закревская 2022: 12; Shternshis 2014: 493–497].

И папа потом нам рассказывал, что он уговаривал этих Пинкензонов, отца и маму Муси, уехать с нами. Папа, приходя домой, рассказывал, что он им говорил: «У вас, у меня, значит, теща, и у вас бабушка, и Миррочка маленькая — они будут сидеть на подводе. Мы, остальные, будем идти. Мы уйдем, если Бог даст, мы уйдем [плачет], если нет, то погибнем... Но мы будем беженцами, мы будем стараться уйти от немцев». Он их уговаривал... И он сказал, что они отказались, говоря, что не все немцы фашисты, и приводил в пример всех ученых, музыкантов, писателей, поэтов, которых вы знаете... Я тогда не знала... Они сказали: «Мы устали, нас хорошо приняли, мы лечили красноармейцев и станичников. Придут немцы — они тоже будут ранены, и мы их тоже будем лечить». Таким образом, мы уехали [Инф. 5].

В рассказах людей, заставших войну в сознательном возрасте, содержится широкий набор объяснений того, почему не все евреи эвакуировались, — к примеру, это организационные сложности, отсутствие централизованной эвакуации, нежелание разлучаться с членами семьи. В историях людей, не заставших войну, реальные исторические детали стираются, уступая место объяснению, основанному на неотрефлексированном «народном» предположении о том, что немцы — культурные люди [Закревская (в печати)]. В случае с М. С. важно, что она вряд ли могла иметь подлинные воспоминания, как и почему Пинкензоны приняли или

не приняли решение об эвакуации (и из-за описанных нами выше искажений памяти, и из-за того, что вряд ли кто-то стал бы обсуждать это с чужим маленьким ребенком). Поэтому она обратилась к популярному на Юге сюжету, который, вероятно, знала из чужих рассказов о войне.

Кроме того, даже если мы представим, что Пинкензоны рассказывали ей о своих мотивах и ее память сохранила этот разговор без изменений, в ее рассказе все равно есть несоответствие: в момент этого разговора семья Муси уже находилась в эвакуации в Краснодарском крае, куда они приехали из Бельц, оккупированных нацистами ранее. Можно предположить, что в реальности Пинкензоны уже были знакомы со слухами об уничтожении евреев, принимая решение об отъезде из Бельц.

В рассказе М. С. содержится еще один важный элемент, позволяющий говорить о том, что она опирается на фольклорную повествовательную модель: она отмечает, что Пинкензоны якобы собирались лечить раненых оккупантов. В книге Ицковича, когда нацисты предложили отцу Муси такую работу, он категорически отказался [Ицкович 1980: 19, 22]. Однако М. С. (вероятно, для того, чтобы мотивация героев рассказа была более связной) выбрала фольклорную объяснительную модель — представления о «культурных немцах». Несмотря на логические несостыковки, рассказ М. С. сделал ее известной в городе:

И с тех пор пошла моя слава по городу, по краю, по... И так далее, и в конце концов и в Москве узнали об этом и стали меня приглашать. В Краснодаре в школы и накануне 27 января¹² [Инф. 5].

После того как наша собеседница впервые рассказала о знакомстве с Мусей, она сделала своеобразную «карьеру»:

Это было года три тому назад, когда в нашем телевидение «Кубань-24», узнав о том, что есть такая еще дожившая и которая знала Мусю Пинкензона, и один из журналистов сделал фильм, и я с ними разговаривала [Инф. 5].

История дружбы с пионером-героем сделала М. С. постоянной посетительницей патриотических собраний в школах. На мероприятиях в честь Дня Победы она выступала в качестве субститута ветерана — носителя важных свидетельств о войне и оккупации. Таким образом, наша собеседница под давлением морального обязательства помнить о войне создала историю, состоящую из реальных воспоминаний о войне и фольклоризированных рассказов. Случай М. С. не уникален: в Усть-Лабинске, где находится мемориал Мусе Пинкензону, различные пожилые женщины регулярно утверждают, что были с ним знакомы. Зачастую в их рассказах фигурируют персонажи, не существовавшие в реальности, — например, сестра Муси Пинкензона¹³. Однако воспоминания М. С. имели

¹² 27 января — международный день памяти жертв Холокоста. В этот день во многих городах России проходят мемориальные мероприятия.

¹³ См. статью М. В. Гавриловой в этом номере журнала.

особенный успех не только из-за того, что она была талантливой рассказчицей, но и потому, что соответствовали ожиданиям публики и были восприняты некритично в контексте развитого в регионе «культы» Муси Пинкензона.

Заключение

В конце XX в. в устных рассказах, дневниках и письмах начали видеть «низовой», демократический и «освобождающий» способ написания истории. В науке такое представление достаточно быстро было раскритиковано и опровергнуто, но в активистской, образовательной и просветительской среде интерес к фигуре свидетеля важных исторических событий сохранился до сих пор.

Среди людей, обращающихся к рассказам очевидцев в рамках образовательных, развлекательных или мемориальных мероприятий, распространено представление о том, что существует значительная разница между свидетельством и художественным или обработанным текстом. Рассказ очевидца рассматривается как нечто, свободное от идеологической и эстетической составляющей и дающее непосредственный доступ к исторической реальности, которую человек наблюдал. Однако такие свидетельства являются проблематичным источником из-за когнитивных особенностей работы человеческой памяти, которые часто не до конца понимают работники школ и музеев, мемориальные активисты и даже в редких случаях профессиональные историки. Детали реальных событий утрачиваются памятью; рассказчики невольно дополняют их сюжетами из популярной литературы, кино, слухов и городских легенд. В условиях повышенного интереса к фигуре очевидца важных исторических событий некоторые люди делают карьеру «профессионального свидетеля»: они регулярно делятся воспоминаниями во время коммеморативных акций. Акт публичного вспоминания заставляет человека делать собственный рассказ понятным и занимательным для публики, поэтому в процессе многократных повторений индивидуальное свидетельство превращается из нарратива, правдиво описывающего прошлое, в художественный рассказ, отражающий ценности группы, к которой принадлежит рассказчик.

Подобные трансформации неизбежно претерпевают любые тексты, бытующие устно, и в том числе воспоминания о Великой Отечественной войне. Центральное место в коммеморации военных событий занимала фигура ветерана. Рассказывая о своем боевом пути, он выступал носителем ценностей, которые необходимо было передать будущим поколениям. В наши дни из-за смены поколения роль носителя памяти о войне «по наследству» перешла детям войны. В психике человека, который застал войну маленьким ребенком, в силу возрастных особенностей человеческой памяти (детской амнезии) реальные воспоминания смешиваются с образами, усвоенными от старших родственников и из культуры. Однако под давлением стандартной «драматургии» коммеморативных акций (приглашения свидетелей войны на мероприятия, записи видеопрограмм)

с их участием и т. д.) дети войны сталкиваются с серьезным моральным давлением, которое заставляет их рассказывать о событиях прошлого так, как ожидают слушатели. Нередко такие люди оказываются вовлечены в мемориальные конфликты, в которых каждый из акторов эксплуатирует свидетеля, стараясь склонить его на свою сторону.

Запрос на передачу историй о Великой Отечественной войне — одновременно и государственный, и низовой; люди, прошедшие ее, признаются нравственным эталоном. Именно поэтому при коммеморации войны невозможно отказаться от апелляции к опыту ее очевидцев. Место ветеранов занимают не только дети войны, но и — в некоторых случаях — иные мемориальные акторы (работники сферы образования, документальные и псевдодокументальные фильмы, интерактивные экспозиции музеев, онлайн-архивы). В таких случаях лежащее в основе свидетельство очевидца может подвергаться еще более сильной трансформации: передающиеся устно рассказы обрастают фольклорными деталями и медийными клише, мемуары обрабатываются перед публикацией и т. д.

Источники

Ицкович 1980 — *Ицкович С.* Муся Пинкензон. М.: Малыш, 1980.

За неповиновение 2021 — За неповиновение избивали палками: как выживали пленные в фашистских лагерях в годы оккупации Краснодара // Краснодарские известия. 2021. 10 авг. URL: <https://ki-news.ru/news/za-nepovinovenie-izbivali-palkami-kak-vyzhivali-plennye-v-fashistskikh-lageriakh-v-gody-okkupatsii-krasnodara>.

Аванесова 2022 — *Аванесова М.* Краснодарка рассказала, как помогала военнопленным во время оккупации // Краснодарские известия. 2022. 12 февр. URL: <https://ki-news.ru/news/krasnodarka-rasskazala-kak-pomogala-voennoplennym-vo-vremia-okkupatsii>.

Наводничая 2021 — *Наводничая А.* Следы Гитлера. Шталаг 132. Краснодарский край // Регнум. 2021. 5 июля. URL: <https://regnum.ru/article/3295603>.

Список информантов

Инф. 1 — И. Ш., ок. 1971 г. р., директор еврейского лицея, Омск, зап. И. В. Козлова, М. В. Гаврилова, Е. А. Закревская, С. В. Белянин в 2022 г.

Инф. 2 — Н. Ц., ок. 1960 г. р., завуч по воспитательной работе, Краснодар, зап. С. В. Белянин, Е. А. Закревская в 2022 г.

Инф. 3 — Р. К., 1950 г. р., председатель еврейской общины, Псков, зап. С. В. Белянин, Е. А. Закревская, И. В. Козлова в 2023 г.

Инф. 4 — В. К., 1948 г. р., историк-любитель, автор документальных фильмов, Краснодар, зап. Е. А. Закревская в 2022 г.

Инф. 5 — М. С., 1933 г. р., пенсионерка, Краснодар, зап. С. В. Белянин, Е. А. Закревская в 2022 г.

Инф. 6 — Н. Д., 1926 г. р., пенсионерка, Краснодар, зап. И. В. Козлова, М. В. Гаврилова в 2022 г.

Инф. 7 — Б. Л., 1941 г. р., пенсионер, Великие Луки, зап. И. В. Козлова, Е. А. Закревская, С. В. Белянин в 2023 г.

Инф. 8 — А. Л., 1949 г.р., пенсионерка, Великие Луки, зап. И. В. Козлова, Е. А. Закревская, С. В. Белянин в 2023 г.

Литература

- Ассман 2014 — *Ассман А.* Длинная тень прошлого. Мемориальная культура и историческая политика / Пер. с нем. Б. Хлебникова. М.: Нов. лит. обозрение, 2018.
- Белянин, Закревская 2022 — *Белянин С. В., Закревская Е. А.* «Ты будешь хлеб брать, а я буду палкой бить»: социальные функции нарративов о мародерстве // Вестник РГГУ. Сер. Литературоведение. Языкознание. Культурология. 2022. № 4 (2). С. 236–257. <https://doi.org/10.28995/2686-7249-2022-4-236-257>.
- Белянин, Закревская 2023 — *Белянин С. В., Закревская Е. А.* Как история становится фольклором: механизмы фольклоризации в рассказах о войне и Холокосте // Фольклор: структура, типология, семиотика. Т. 6. № 3. 2023. С. 61–87. <https://doi.org/10.28995/2658-5294-2023-6-3-61-87>.
- Вельцер 2005 — *Вельцер Х.* История, память и современность прошлого. Память как арена политической борьбы / Пер. с нем. К. Левинсона // Неприкосновенный запас. 2005. № 2/3. С. 28–35.
- Закревская 2022 — *Закревская Е. А.* Отказ от эвакуации и неудавшаяся эвакуация: происхождение, разновидность и соотношение с реальностью в историях об оккупации // Текст и историческая реальность. Секция 2: Устная история и фольклор: Материалы Всерос. науч. конф. XIV Мелетинские чтения (Москва, РГГУ, 20–22 октября 2022 г.) / Сост. и ред. Е. А. Закревская, М. А. Гистер. М.: РГГУ, 2022. С. 28. URL: https://ctsf.ru/sites/default/files/2022-11/XIV%20Meletinskie%20chteniya_abstracts_0.pdf.
- Закревская (в печати) — *Закревская Е. А.* Сюжеты о добрых и «культурных» немцах в устных рассказах об оккупации // *Judaic-Slavic Journal*. [В печати].
- Копосов 2011 — *Копосов Н.* Память строгого режима: История и политика в России. М.: Нов. лит. обозрение, 2011.
- Костырченко 2020 — *Костырченко Г. В.* Тайная политика: от Брежнева до Горбачева. Ч. 1: Власть — Еврейский вопрос — Интеллигенция. М.: Междунар. отношения, 2020.
- Курилла 2018 — *Курилла И.* «Бессмертный полк»: «праздник со слезами на глазах», парад мертвецов или массовый протест? Споры о смысле и перспективах нового праздничного ритуала // *Контрапункт*. № 12. 2018. С. 1–11.
- Лофтус, Кетчем 2018 — *Лофтус Э., Кетчем К.* Миф об утраченных воспоминаниях: Как вспомнить то, чего не было / Пер. с англ. И. В. Никитиной. М.: Колибри; Азбука-Аркас, 2018.
- Малинова 2014 — *Малинова О. Ю.* Официальная риторика и конструирование национального прошлого: анализ тематического репертуара памятных речей президентов РФ (2000–2013 гг.) // *Власть и элиты*. Т. 1. 2014. С. 224–246.
- Миллер 2012 — *Миллер А.* Историческая политика в Восточной Европе начала XXI в. // *Историческая политика в XXI веке* / [Науч. ред. А. Миллер, М. Липман]. М.: Нов. лит. обозрение, 2012. С. 7–32.
- Панченко 2013 — *Панченко А.* Беглецы и доносчики: «военные нарративы» в современной новгородской деревне // *Русский политический фольклор: Исследования и публикации* / [Ред.-сост. А. Панченко]. М.: Нов. изд-во, 2013. С. 117–143.
- Пиаже 1994 — *Пиаже Ж.* Речь и мышление ребенка / Сост., нов. ред., пер. с фр., коммент. Вал. А. Лукова, Вл. А. Лукова. М.: Педагогика-Пресс, 1994.
- Руднев 1974 — *Руднев В. А.* Советские обычаи и обряды. Л.: Лениздат, 1974.

- Сафронова 2018 — Сафронова Ю. А. Третья волна *memory studies*: Двадцать три года против шерсти // Политическая наука. 2018. № 3. С. 12–31. <https://doi.org/10.31249/poln/2018.03.01>.
- Титков 2019 — Титков А. С. Новые практики для Победы: макросоциологическое объяснение // Фольклор и антропология города. Т. 2. № 1–2. 2019. С. 206–229.
- Фицпатрик 2011 — Фицпатрик Ш. Срывайте маски!: Идентичность и самозванство в России XX века / [Пер. с англ. Л. Ю. Пантиной]. М.: Рос. полит. энциклопедия (РОССПЭН); Фонд «Президентский центр Б. Н. Ельцина», 2011.
- Энгелькинг 2018 — Энгелькинг А. Сказ полесского села, или О фольклоризации памяти о Второй мировой войне // Славяноведение. 2018. № 6. С. 27–46. <https://doi.org/10.31857/S0869544X0001763-2>.
- Assmann, Czaplicka 1995 — Assmann J., Czaplicka J. Collective memory and cultural identity // *New German Critique*. № 65. 1995. P. 125–133.
- Hamilton 2010 — Hamilton P. A long wr: Public memory and the popular media // *Memory: Histories, theories, debates* / Ed. by S. Radstone, B. Schwarz. New York: Fordham University Press, 2010. P. 299–311.
- Carr 2017 — Carr G. War, history and the education of (Canadian) memory // *Memory, history, nation: Contested pasts* / Ed. by K. Hodgkin, S. Radstone. New York: Routledge; Kegan Paul, 2017. P. 57–78.
- Landsberg 2004 — Landsberg A. Prosthetic memory: The transformation of American memory in the age of mass culture. New York: Columbia Univ. Press, 2004.
- Portelli 2003 — Portelli A. The massacre at the Fosse Ardeatine: history, myth, ritual, and symbol // *Memory, history, nation: Contested pasts* / Ed. by K. Hodgkin, S. Radstone. New York: Routledge; Kegan Paul, 2003. P. 29–41.
- Danilova 2015 — Danilova N. The politics of war commemoration in the UK and Russia. Houndmills, UK: Palgrave Macmillan, 2015.
- Schacter 1996 — Schacter D. Searching for memory: The brain, the mind, and the past. New York: Basic Books, 1996.
- Shternshis 2014 — Shternshis A. Between life and death: Why some Soviet Jews decided to leave and others to stay in 1941 // *Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History*. Vol. 15. No. 3. 2014. P. 477–504. <https://doi.org/10.1353/kri.2014.0036>.
- Shternshis 2017 — Shternshis A. When Sonia met Boris: An oral history of Jewish life under Stalin. Oxford: Oxford Univ. Press, 2017.
- Williams, Conway 2009 — Williams H., Conway M. Networks of autobiographical memories // *Memory in mind and culture* / Ed. by P. Boyer, J. V. Wertsch. New York: Cambridge Univ. Press, 2009. P. 33–61.

References

- Assmann, J., & Czaplicka, J. (1995). Collective memory and cultural identity. *New German Critique*, 65, 125–133.
- Assmann, A. (2006). *Der lange Schatten der Vergangenheit: Erinnerungskultur und Geschichtspolitik*. C. H. Beck.
- Belyanin S. V., & Zakrevskaya, E. A. (2022) “Ty budesh’ khleb brat’, a ia budu palkoi bit’”: sotsial’nye funktsii narrativov o maroderstve [“If you take the bread, I will beat you with a stick”: Social functions of narratives about looting]. *Vestnik RGGU, Ser. Literaturovedenie. Iazykoznanie. Kul’turologiia*, 2022(4, no. 2), 236–257. <https://doi.org/10.28995/2686-7249-2022-4-236-257>. (In Russian). <https://doi.org/10.28995/2686-7249-2022-4-236-257>.
- Belyanin S. V., & Zakrevskaya, E. A. (2023) Kak istoriia stanovitsia fol’klorom: mekhanizmy fol’klorizatsii v rasskazakh o voine i Kholokoste [How history becomes folklore: Folklor-

- ization mechanisms of war and Holocaust stories]. *Fol'klor: struktura, tipologiya, semiotika*, 6(3), 61–87. <https://doi.org/10.28995/2658-5294-2023-6-3-61-87>. (In Russian).
- Carr, G. (2017). War, history and the education of (Canadian) memory. In K. Hodgkin, & S. Radstone (Eds.). *Contested pasts: The politics of memory* (pp. 57–78). Routledge; Kegan Paul.
- Danilova, N. (2015). *The politics of war commemoration in the UK and Russia*. Palgrave Macmillan.
- Engel'king [= Engelking], A. (2018). Skaz poleskogo sela, ili o fol'klorizatsii pamiati o Vto-roj mirovoj voine [The reminiscing narration of the Polesian countryside or folklorization of memory of the Second World War]. *Slavianovedenie*, 2018(6), 27–46. <https://doi.org/10.31857/S0869544X0001763-2>. (In Russian).
- Fitzpatrick, Sh. (2005). *Tear off the masks!: Identity and imposture in twentieth-century Russia*. Princeton Univ. Press.
- Hamilton, P. A. (2010). Long war: Public memory and the popular media. In S. Radstone, & B. Schwarz (Eds.). *Memory: Histories, theories, debates* (pp. 299–311). Fordham Univ. Press.
- Koposov, N. (2011). *Pamiat' strogogo rezhima: Istoriia i politika v Rossii* [Memory of a strict regime: History and politics in Russia]. Novoe literaturnoe obozrenie. (In Russian).
- Kostyrchenko, G. V. (2020) *Tainaia politika: ot Brezhneva do Gorbacheva* [The secret policy from Brezhnev to Gorbachev], Pt. 1: *Vlast' — Evreiskii vopros — Intelligentsiia* [Power — Jewish question — Intelligentsia]. *Mezhdunarodnye otnosheniia*. (In Russian).
- Kurilla, I. (2018). “Bessmertnyi polk”: “prazdnik so slezami na glazakh”, parad mertvetsov ili massovyi protest? Spory o smysle i perspektivakh novogo prazdnichnogo rituala [The “Immortal Regiment”: A “holiday through tears”, a parade of the dead, or a mass protest? Arguments over the meaning and future of a new holiday ritual]. *Kontrapunkt*, 12, 1–11. (In Russian).
- Landsberg, A. (2004). *Prosthetic memory: The transformation of American memory in the age of mass culture*. Columbia Univ. Press.
- Loftus, E., & Ketcham, K. (1994). *The myth of repressed memory: False memories and allegations of sexual abuse*. St. Martin's Griffin.
- Malinova, O. Iu. (2014). Ofitsial'naia ritorika i konstruirovaniie natsional'nogo proshlogo: analiz tematicheskogo repertuara pamiatnykh rechei prezidentov RF (2000–2013 gg.) [Official rhetoric and the construction of the national past: analysis of the thematic repertoire of memorable speeches of Russian presidents]. *Vlast' i elity*, 1, 224–246. (In Russian).
- Miller, A. (2012). Istoricheskaia politika v Vostochnoi Evrope nachala XXI v. [Historical politics in Eastern Europe at the beginning of the 21 century]. In A. Miller, & M. Lipman (Eds.) *Istoricheskaia politika v XXI veke* (pp. 7–32). Novoe literaturnoe obozrenie. (In Russian).
- Panchenko, A. (2013). Begletcy i donoschiki: “voennye narrativy” v sovremennoi novgorodskoi derevne [Fugitives and informers: ‘military narratives’ in the modern Novgorod village]. In A. Panchenko (Ed.). *Russkii politicheskii fol'klor: Issledovaniia i publikatsii* (pp. 117–143). Novoe izdatel'stvo. (In Russian).
- Piaget, J. (1923). Le langage et la pensée chez l'enfant. Etudes sur la logique de l'enfant. Delachaux et Niestlé.
- Portelli, A. (2002). The massacre at the Fosse Ardeatine: history, myth, ritual, and symbol. In K. Hodgkin, & S. Radstone (Eds.). *Contested pasts: The politics of memory* (pp. 29–41). Routledge; Kegan Paul.
- Rudnev, V. A. (1974). *Sovetskie obychai i obriady* [Soviet customs and rituals]. Lenizdat. (In Russian).

- Safronova, Ju. A. (2018). *Tret'ia volna memory studies: Dvadsat' tri goda protiv shersti* [The third wave of *memory studies: Going against the grain for the twenty-three years*]. *Politcheskaia nauka*, 2018(3), 12–31. <https://doi.org/10.31249/poln/2018.03.01>. (In Russian).
- Schacter, D. (1996). *Searching for memory: The brain, the mind, and the past*. Basic Books.
- Shternshis, A. (2014). Between life and death: Why some Soviet Jews decided to leave and others to stay in 1941. *Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History*, 15(3), 477–504. <https://doi.org/10.1353/kri.2014.0036>.
- Shternshis, A. (2017). *When Sonia met Boris: An oral history of Jewish life under Stalin*. Oxford Univ. Press. <https://doi.org/10.1353/kri.2014.0036>.
- Titkov, A. S. (2019). Novye praktiki dlia Pobedy: makrosotsiologicheskoe ob'iasnenie [New celebration practices of Victory Day: Macrosociological explanation]. *Fol'klor i antropologiya goroda*, 2(1–2), 206–229. (In Russian).
- Welzer, H. (2005). Die Gegenwart der Vergangenheit: geschichte als Arena der Politik. *Osteuropa*, 55(4/6), 9–18.
- Williams, H., & Conway, M. (2009). Networks of autobiographical memories. In P. Boyer, & J. V. Wertsch (Eds.). *Memory in mind and culture* (pp. 33–61). Cambridge Univ. Press.
- Zakrevskaia, E. A. (2022). Otkaz ot evakuatsii i neudavshaiasia evakuatsiia: proiskhozhdenie, raznovidnosti i sootnoshenie s real'nost'iu v istoriiakh ob okkupatsii [Refusal to evacuate and failed evacuation: origin, varieties and reality in stories of occupation]. In E. A. Zakrevskaya, & M. A. Gister (Eds.). *Tekst i istoricheskaia real'nost'. Sektsiia 2: Ustnaia istoriia i fol'klor. Materialy Vserossiiskoi nauchnoi konferentsii XIV Meletinskie chteniia (Moskva, RGGU, 20–22 oktiabria 2022 g.)* (p. 28). RGGU. https://ctsf.ru/sites/default/files/2022-11/XIV%20Meletinskie%20chteniya_abstracts_0.pdf. (In Russian).
- Zakrevskaya, E. A. (Forthcoming). Siuzhety o dobrykh i “kul'turnykh” nemtsakh v ustnykh rasskazakh ob okkupatsii [Folk tales about kind and “cultured” Germans in oral stories about the occupation]. *Judaic-Slavic Journal*. (In Russian).

* * *

Информация об авторах

Екатерина Алексеевна Закревская
младший научный сотрудник,
Центр славяно-иудаики, Институт
славяноведения РАН
Россия, 119334, Москва, Ленинский
пр-т, д. 32А
✉ eazakrevskaya@gmail.com

Сергей Владимирович Белянин
исполнитель гранта РФФ № 23-
28-00796, Центр славяно-иудаики,
Институт славяноведения РАН
Россия, 119334, Москва, Ленинский
пр-т, д. 32А
✉ sergey.belyanin10@gmail.com

Information about the authors

Ekaterina A. Zakrevskaya
Junior Researcher, Center for Jewish and
Slavic Studies Institute of Slavic Studies
of the Russian Academy of Sciences
Russia, 119334, Moscow, Leninsky
Prospekt, Bld. 32A
✉ eazakrevskaya@gmail.com

Sergey V. Belyanin
Grant Executor (no. 23-28-00796), Center
for Jewish and Slavic Studies Institute
of Slavic Studies of the Russian Academy
of Sciences
Russia, 119334, Moscow, Leninsky
Prospekt, Bld. 32A
✉ sergey.belyanin10@gmail.com